

Петровских Мария Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

skleppi93@ya.ru

РАННИЕ РАССКАЗЫ Н. В. УСПЕНСКОГО И ПРОБЛЕМА ФИКЦИОНАЛЬНОСТИ В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ 1860-Х ГГ.

Ключевые слова: Н. Успенский, фикциональность, литературная критика, антиэстетика, 60-е гг. XIX в.

В статье будут рассмотрены рассказы Н. В. Успенского «Старуха» и «Хорошее житье» и критические работы, в которых отмечаются особенности раннего творчества писателя, в частности проблемы отражения реальности и вымысла. Подобный анализ возможен только с учетом эстетических категорий, значимых для «радикально- демократического» течения в русской литературе 1860-х гг., в том числе категории фикционального.

Petrovskikh Mariia

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

EARLY NOVELS OF N. V. USPENSKY AND THE ISSUE OF FICTIONALITY IN 1860-S ASTHETIC SYSTEM

Keywords: Nikolai Uspensky, Literary criticism, anti-aesthetics, 60th of the XIX century, fictionality.

In this article we will analyze N. V. Uspensky's novels "An old woman" and "The good living" and several works of critics in which characteristics of the writer's early works are marked, especially the problem of reflecting reality and fiction. Such an analysis can be made only by basing it on aesthetic categories that were relevant for the "radical-democratic" trend in Russian literature of the 1860-s, including the category of fiction.

Вводные замечания

Творчество Николая Успенского интересно, поскольку этого писателя можно назвать первопроходцем в новом, радикально-демократическом течении русской литературы. Однако новаторство его не столько в идеологической сфере, сколько в эстетической. Поэтому исследование строится, с одной стороны, на материале критических работ о ранних рассказах Успенского, а с другой — на самих рассказах. Их рецепция представителями эстетики 40–50-х гг. XIX в.

и «антиэстетики» 60-х позволяет проследить изменения в категории фикционального; при анализе текстов можно обнаружить, как этот процесс отразился в произведениях.

Фикциональность в критике о ранних рассказах Успенского

Существует множество отзывов о ранних рассказах Успенского, однако можно опереться на две работы — «Рассказы Н. В. Успенского» Ф. М. Достоевского и «Не начало ли перемены?» Н. Г. Чернышевского.

Достоевский в своей статье сравнивает Успенского с фотографом, который снимает все, что попадает в объектив. Успенский «цепляется за ненужности и не заботится хоть сколько-нибудь связать эти ненужности с делом» [Достоевский, 1979, с. 180]. Для Достоевского такие наблюдения запутаны.

Главный оппонент Достоевского в этом вопросе — Чернышевский, рассуждающий о рассказах Успенского в статье «Не начало ли перемены?». Критик утверждал: «Что же касается до тенденции, об ней лучше и не спрашивайте: взял человек два-три листа бумаги, набросал на них какой-нибудь разговорец или какое-нибудь описание и отдает вам лоскутки этих листов без начала и без конца, совершенно не думая о том выходит ли какой-нибудь смысл из написанного им» [Чернышевский, 1950, с. 856].

Все критики единодушны в одном: Успенский представляет читателю факты, наблюдения, поэтому он талантлив как бытописатель. Однако взгляды критиков разнятся, когда поднимается вопрос выбора картин для описания. Одни утверждают, что Успенский описывает любые сцены и не строго относится к выбору материала. Другие — что у писателя есть определенный взгляд на описываемое, и это служит предпосылкой для выбора предмета описания.

Понимание фикциональности в середине XIX века

В 40-е и 50-е гг. XIX в. для создания художественного произведения «надобно уметь явления действительности провести через свою фантазию, дать им новую жизнь» [Белинский, 1953, с. 303]. Произведение не мыслилось без художественного обобщения, авторской интенции, с участием которой происходит выбор фактов для описания и их типическая обработка. Процесс типизации, акцентирование внимания на чертах типических и игнорирование черт случайных

отделяет реальность действительную и эстетическую. И процесс этот мыслится невозможным без участия вымысла.

В рамках эстетики 60-х гг. Чернышевский утверждал, что «создание искусства должно стремиться к тому, ... чтобы в нем все было ... выражено конкретно, в живых картинах, в индивидуальных образах» [Чернышевский, 1949, с. 83]. За текстом признается ценность указания на действительность.

Если подходить к этим концепциям, пользуясь термином «фикциональность», то в первую очередь стоит оговориться, что процесс селекции элементов из окружающего мира, на который обращают внимание представители новой эстетики, уже есть построение фикционального текста.

Фикциональность текста не является абсолютной: он может быть более или менее фикционален. С опорой на мнение части критиков можно сказать, что рассказы Успенского минимально фикциональны.

Стоит оговориться, что частичное смешение понятий «художественное» и «фикциональное» не случайно и в рамках данной работы может быть оправдано. Несмотря на то, что они представляют собой два разных отличительных признака художественного повествования, они влияют на восприятие произведения в одном ключе:

«Как и фикциональность, так и эстетичность обусловливают изоляцию произведения, снятие внешней референтности, ослабление непосредственного соотнесения с реальностью» [Шмид, 2003, с. 23].

Немаловажно и то, что смешанными являются и понятия «фикционального» и «вымышленного». Это объясняется тем, что они оказываются смешанными в литературной критике середины XIX в.

Фикциональность в рассказах Успенского

Тезис о минимальной степени фикциональности произведений Успенского можно доказать, опираясь на анализ двух из них. Рассказ «Старуха» впервые напечатан в журнале «Сын отечества» в 1857 г. среди биографических и физиологических очерков. Там же напечатана и повесть В. Р. Зотова. Второй рассказ — «Хорошее житье» — напечатан в «Современнике» в 1858 г. вместе с Островским, Некрасовым и другими известными писателями.

В рассказе «Старуха» купец приезжает на постоянный двор и встречает старуху. Купец расспрашивает ее о жизни на дворе и семье; она начинает рассказывать о том, как невестка изменила стар-

шему сыну с приказчиком, как его забрали в солдаты. Старуха отвлекается, потом уходит за купцом в дом, однако продолжает рассказ. Говорит, как младший сын бродяжничал, а после старуха узнала, что его застали за поджогом дома приказчика. А в тот момент, когда читатель хочет узнать, как это произошло и что мотивировало персонажа, мы узнаем, что купец уснул, а старуха уходит из дома.

В рассказе «Хорошее житье» целовальник рассказывает другу, как работал в селе Покровское. Его рассказ включает и описание типичного мужика из села, и истории про то, как выбирали, кого отдать в солдаты; про то, как обменивали вино на соху и т. д.

Примечательны уже сами сюжеты этих рассказов. Во-первых, их характеризует низкая событийность: в обоих случаях событием является сама ситуация рассказывания. Из-за того, что рассказ представлен в форме диалога, он постоянно прерывается, напоминая читателю о фигуре рассказчика:

Вот они ушли к приказчику, а мы ждем; помню, я тут качала на обрывке ее мальчика, это невесткина-то: сижу... качь да качь... Смотрим, приходит он один уж перед вечером.

— Так. А вы всё поджидали?

— Да, а мы всё поджидали. «Ну, Петруша, зачем?» — спросили мы. ... [Успенский, 1933, с. 72]

Слово повествователя у Успенского встречается в основном только в экспозиции. Например, в рассказе «Хорошее житье» повествователь явлен лишь в первой строке:

Целовальник с подстриженной бородкой, одетый в синюю суконную чуйку, распахнувшись и упершись левой рукой в свое колено, сидел за столом против своего приятеля, низенького мещанина, который пристально смотрел ему в лицо и курил трубку. Дело происходило за двумя бутылками пива [Там же, с. 122].

Остальной рассказ состоит из прерывистых диалогов. Повествователь говорит конкретно и объективно, избегая оценочных коннотаций. Такая точность позволяет утверждать, что повествователь описывает явление, но не размышляет по этому поводу. Поэтому повествователь у Успенского выступает подобием этнографа, фиксирующим реальность.

Интересны те рамочные компоненты, которые оформляли рассказы в «Современнике». Публикация их под заголовком «Очерки народного быта», нумерация, заглавие и подзаголовок подчеркивали единство цикла рассказов, выделяя их на страницах «Современ-

ника». Заглавие «Очерки народного быта» отсылало читателя к одному из главных жанров натуральной школы. На этом контрасте рассказы Успенского могли выглядеть еще более ново и необычно.

В этих двух рассказах очень четко заметны особенности очерков Успенского: они практически бессюжетны; рассказ «Старуха» бросается в глаза своей недосказанностью», а «Хорошее житье» — обрывочным построением, разбитостью на маленькие истории.

Рассказы Успенского производят впечатление историй, которые не обработаны авторским сознанием. Поэтому в рассказах дистанция между произведением и реальностью практически стерта.

Степень фикциональности текста относительна и напрямую зависит от того, какую функцию ему приписывает реципиент, существующий в определенной эстетической системе [Шмид, 2003]. Это объясняет двойственность позиции критиков по отношению к творчеству Успенского.

Так, можно предположить, что именно нивелирование лежит в основе «антиэстетики». Таким образом, рассказы Успенского не воспроизводят реальность, не создают адекватную ее модель в художественном произведении, но отсылают читателя к ней. Из-за кардинального изменения подхода к изображению реальности в произведении не может быть не пересмотрена точка зрения на рассказы Успенского. Антиэстетика даёт возможность отойти от традиционных социально-политических и литературоведческих трактовок и позволяет смотреть на рассказы Успенского как на репрезентацию определенных культурных, социальных, литературных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский В. Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. М.: Издательство АН СССР, 1953. С. 279–359.
- Достоевский Ф. М.* Рассказы Н. В. Успенского // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 19. Л.: Издательство АН СССР, 1979. С. 178–186.
- Успенский Н. В.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1933. 562 с.
- Чернышевский Н. Г.* Не начало ли перемены? // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1950. С. 855–889.
- Чернышевский Н. Г.* Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1949. С. 5–92.
- Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.